
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

В. В. ЦЫГАНКОВ

МОДЕЛЬ ПОЛИТОГЕНЕЗА РОБЕРТА КАРНЕЙРО: ПРОБЛЕМНЫЕ МОМЕНТЫ И НЕОБХОДИМЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ

Объектом настоящего исследования является процесс возникновения государства на ранних этапах социального развития. Предмет исследования – теория политогенеза Роберта Карнейро («теория стесненности»), делающая упор на военно-насильственный характер появления государства как института. При объяснении политогенеза и поныне господствует та или иная из «автоматических» версий, не отвечающих современному уровню построения исследовательской программы. До сих пор факторного моделирования версии Карнейро не проводилось. В то же время накопились эмпирические данные, которые делают необходимым именно многофакторный анализ и синтез нескольких подходов. Все это подчеркивает актуальность данной статьи, которая представляет собой попытку выполнения всех этих задач в первом приближении. Теоретико-методологические основания настоящей работы: институциональный подход в макросоциологии, гипотетико-дедуктивный метод, конструирование факторной модели политогенеза.

Новизна выводов:

1) выделены два разных вида доисторической войны («сгон/геноцид» и «приведение в подданство»), что крайне важно для концепции Карнейро, но слабо артикулировано в ней;

2) выдвинута гипотетическая модель, в которой пересмотрена роль фактора «урбанизация» и фактора «мелиорация», а также добавлен фактор «храмовый комплекс», являющийся важной институцией отчуждения прибавочного продукта для обществ уже мезолита, хотя этой институции сам Карнейро не отводит места в своей теории;

3) указанная гипотетическая модель выдвинута на основе привлечения новых эмпирических данных, полученных при раскопках Чатал-Хююка и Гёбекли-Тепе.

Ключевые слова: «теория стесненности», Роберт Карнейро, политогенез, государство, вождество, неолитическая революция, теория внешнего завоевания, теория внутреннего конфликта, гидравлическая теория, Чатал-Хююк, Гёбекли-Тепе, прибавочный продукт, урбанизация, мелиорация, макросоциология, теоретическая история.

The object of the present study is the process of the emergence of the state at the early stages of social development. The subject of the research is the theory of politogenesis by Robert Carneiro (“the theory of constraint”), which focuses on the military-violent nature of the emergence of the state as an institution. At present, some of the “automatic” versions still dominate in the explanation of politogenesis and this situation does not meet the modern level of research program. So far, the factor modeling of the Carneiro’s version has not been attempted. At the same time, the accumulated empirical data make it necessary to perform a multivariate analysis and synthesis of several approaches. All this makes this article relevant since it makes an attempt to perform all these tasks in the first approximation. Theoretical and methodological foundations of this work are the following: the institutional approach in macrosociology, the hypothetical-deductive method, the construction of a factor model of politogenesis.

Novelty of conclusions:

1) two different types of prehistoric war are distinguished (“displacement/genocide” and “subjugation”), which is extremely important for Carneiro’s concept theory, but is poorly articulated in it;

2) a hypothetical model is put forward, which revises the role of the “Urbanization” factor and the “Land melioration” factor, and adds the “Temple complex” factor, the latter is an important institution of alienation of surplus product for Mesolithic societies, although in his theory Carneiro does not assign a place to this institution;

3) the presented hypothetical model is based on the use of new empirical data obtained during the excavations of Çatalhöyük and Göbekli Tepe.

Keywords: *theory of constraint, Robert Carneiro, politogenesis, state, chiefdom, Neolithic revolution, theory of external conquest, theory of internal conflict, hydraulic theory, Çatalhöyük, Göbekli Tepe, surplus product, urbanization, land melioration, macrosociology, theoretical history.*

Теория возникновения государства, выдвинутая Р. Карнейро, по сей день остается одной из наиболее фундированных эмпирически. Она представляет собой синтез «теории принуждения» и разновидности неомальтузианской «демографической теории».

Данная теория родилась из критики, которой Карнейро подверг наиболее серьезные из существовавших теорий политогенеза: «волютаристские» версии и «теории принуждения». Среди первых наибольшей популярностью в российской системе преподавания истории по сей день пользуется «автоматическая» теория, увязывающая появление государства с возникновением возможности производить прибавочный продукт (при углублении специализации производящего хозяйства). Привлечение материала догосударственных обществ показывает, что во многих из них возможность производить прибавочный продукт уже существовала, но почему-то не реализовывалась без внешнего принуждения.

Другой серьезной версией объяснения «автоматического» автономного политогенеза считается «гидравлическая» теория К. Витт-фогеля, которая тоже не выдерживает проверки эмпирическим материалом: в Месопотамии, Китае и Мексике широкомасштабные ирригационные работы начали проводиться после возникновения государства. Карнейро также критикует и чрезмерный партикуляризм «теории принуждения» в той ее части, где говорится, что завоевательной силой обязательно должны выступать кочевые общества: история Древней Америки не знала развитого кочевого хозяйства, и в Египте государство возникло раньше появления кочевников. С детальным анализом теории Карнейро как исследовательской программы можно ознакомиться в работе Н. С. Розова [2002: Раздел 4.2]. Эволюции взглядов самого Карнейро посвящена статья В. В. Буханцова, М. В. Комаровой, В. П. Чебунина [Буханцов и др. 2015].

С момента опубликования работы Карнейро прошло уже немало лет. К настоящему моменту признано, что траектории политогенеза в разных обществах могут существенно различаться [Бондаренко и др. 2006]. За истекший период было проведено множество исследований, призванных прояснить механизм политогенеза на базе все более современных методик. Например, в работе А. В. Коротаяева, выполненной в ключе клиодинамики (то есть с привлечением методов статистической обработки эмпирических данных), была выявлена корреляция ряда факторов с увеличением социальной стратификации и процессом политогенеза. Причинная зависимость там описана так: «В целом механизм воздействия хозяй-

ственного развития на социальную эволюцию может быть описан приблизительно следующим образом. Возрастание производительности земли ведет к увеличению плотности населения и возрастанию размеров общин, что, в свою очередь, приводит к возрастанию плотности социальных связей, усложнению общественных отношений и постепенно создает все большую необходимость появления все более сложных социальных институтов для их регулирования. Сокращается расстояние между общинами, усложняются межобщинные отношения, учащаются столкновения между ними, меняется характер подобных столкновений» [Коротаев 1991: 155]. Здесь, по сути, мы видим ту же самую «автоматическую» версию появления государства: плотность социальных связей *сама по себе* создает *необходимость* государства. А как только *необходимость* появляется, она как бы притягивает образование конкретной социальной практики и институции (которая до этого не существовала, и никто не имел понятия, как она организована).

Ясно, что интуитивное соображение о том, что нечто появляется, как только в нем возникает необходимость, все-таки исключает содержательное описание самого *причинного механизма возникновения* новшества. И здесь версия Р. Карнейро по сей день остается наиболее проработанной в плане объяснения механизма. Хотя бы потому, что, например, непонятно, почему усложняющиеся социальные отношения нельзя было продолжать регулировать путем сохранения горизонтального взаимодействия родов и племен через системы совместных празднеств, ритуалов и реципрокации. Как получилось, что возникли именно административная иерархия, правящий класс и отношения подданства?

Вот как Р. Карнейро понимает возникший примерно в 4-м тыс. до н. э. новый институт: «Говоря о государстве, я подразумеваю автономную политическую единицу, включающую многие общины в рамках своей территории и имеющую централизованное правительство с полномочиями сбора налогов, призыва людей на работу или войну, а также издания и исполнения законов» [Карнейро 2006: 55].

Если коротко описать модель образования государства Карнейро, то дело обстоит так. Сперва при увеличении численности населения и заселения пустующих земель начинает действовать фактор

«стесненность»¹. Из-за чего войны между поселениями, ранее имевшие характер грабительского набега или вендетты, превращаются в войну-геноцид (или сгон с территории с захватом земли). Более поздним способом борьбы с малоземельем стало внедрение террасирования и ирригации². При этом геноцидные войны-сгоны продолжились. Далее те поселения, что проиграли в войне, будучи не в состоянии уйти на новые места обитания, обязаны были ценой уплаты дани «покупать» право остаться на старом месте. Об этом автор пишет так: «Если общине разрешалось оставаться на своей территории, вместо истребления или изгнания, то такое послабление возможно было только за определенную цену. И этой ценой было политическое подчинение победителю. В целом такая зависимость влекла за собой, по меньшей мере, выплату дани или налога, что побежденная деревня могла обеспечить, только производя продуктов больше, чем производила ранее» [Карнейро 2006: 61–62]. То есть именно даннические отношения вынуждают покоренных производить прибавочный продукт. Получение дани позволяет верхушке завоевателей более не участвовать в производственной деятельности и образовать привилегированный слой – «правлящий класс». Политическое единство завоевателей и завоеванных и дает начало «вождеству» как новой форме политической организации.

Ведущие завоевательные войны повлекли за собой еще два последствия: часть побежденных попала в рабство, тем самым усиливая классовую дифференциацию вождества («правлящий класс / подданные общинники / рабы»). Другая часть побежденных – те, кто потерял землю при сгоне, но не попал в рабство, – использует ситуацию накопления прибавочного продукта в руках правящего класса. Они становятся «ремесленниками», обслуживая желание привилегированных групп конвертировать прибавочный продукт

¹ Этот способ может пониматься как абсолютная невозможность дальнейшего расселения (природные препятствия в виде гор, болот, пустынь), а также как относительная стесненность (аномальная концентрация ресурсов по сравнению с прилегающими районами).

² Однако, согласно модели Карнейро, этот шаг был запоздалым и никуда не вел. Внедрение террасирования/ирригации, согласно исследователю, никак не влияет на ход политогенеза.

в прирост своего комфорта и престижа. Так возникают «города» как ремесленные центры для обслуживания правящего класса. Таким образом, «прибавочный продукт», «правлящий класс», «рабы», «ремесленники» и «города» вместе образуют набор ярких отличительных признаков, фиксирующих начало существования «государства». Однако точкой начала сборки этого института является возникновение «вождества», порожденного войной и ресурсно-демографической «стесненностью». Впоследствии сам Карнейро выделяет простые и компаундные вождества: в первых покоренные общества еще не вовлекаются в процесс образования правящего класса, а во вторых – вовлекаются [Буханцов и др. 2015: 725].

Рис. 1. Модель возникновения государства Р. Карнейро (модель стесненности)

Однако в воспроизведенной модели видны два важных, но отнюдь не очевидных допущения, которые требуют обсуждения.

1. Урбанизация

Появление городов в модели вызвано: а) захватническими войнами (появляются согнанные с земли крестьяне, не попавшие в рабство, которым некуда уходить); б) образованием вождеств с прибавочным продуктом у правящего класса (в конечном счете – опять же в связи с войнами).

Однако уже давно в рамках структурно-демографической теории как **урбанизация**, так и появление **прибавочного продукта** объясняются демографическим «сжатием» (расширением численности населения за пределы аграрной экологической ниши). То есть урбанизация могла начаться уже на этапе «стесненность»³, не дожидаясь захватнических войн и возникновения «вождеств» (как это представлено в модели Карнейро). В пределах поселения «сжатие» вызывает аграрное ростовщичество и усиление ростовщической олигархии («бигменов»), которые вынуждают должников-общинников вырабатывать дополнительный продукт помимо необходимого. При этом какая-то часть общинников принуждается отдавать землю за долги (что является фактически сгоном с земли без геноцида) [Нефедов 1996: 46].

Разумеется, неолитическое аграрное ростовщичество не выглядело столь линейно-примитивно, поскольку включало ряд специфических обстоятельств данного периода, например аспект родственных связей, родовых культов и родового престижа. Так, М. Салинз, цитируя исследование зернового хозяйства конкретного архаического общества Полинезии (долинных тонга), говоря о ростках товарности в нем, пишет: «Получается так, что конвертировали свою продукцию в скот именно те крестьяне тонга, к кому особенно часто обращались родственники с настоятельными просьбами о помощи в периоды нехватки пищи – скот создавал для них фонд, который можно было вновь продать и на вырученные деньги купить пшеницы» [Салинз 1999: 100]. То есть понятно, что аграрное ростовщичество работало через смягчающие «прокладки» соображений обязанностей для кредиторов, роста лояльности должников,

³ Здесь имеется в виду абсолютная, а не относительная невозможность дальнейшего расселения.

укрепления родовой иерархии и прочих аспектов «моральной экономики». Однако понятно также, что бескорыстные бигмены-меценаты быстро разорятся, а «моральная экономика» была на деле способом конвертации и диверсификации власти и влияния бигменов.

Города, таким образом, могут возникать как «фешенебельные» поселения кредиторов и их клиентов-прислуги. Ярким примером «города» такого типа можно, по-видимому, считать знаменитый Чатал-Хююк (7-е тыс. до н. э.) с жилищами богатых и бедных, а также с домашними захоронениями, связанными с культом родителей и рождающимся представлением о собственности и наследовании [Valter 1998]. Другой древнейший город планеты – Иерихон (9–8-е тыс. до н. э.) – был, по-видимому, организован вокруг зернохранилища и представлял собой прообраз позднейшего храмового хозяйства Междуречья или Египта (об этом речь пойдет ниже).

Исследователи вполне уверенно утверждают, что древнейшие из известных городов **не были** центрами торговли, да и развитие ремесел там едва фиксируется. Скорее, это была большая деревня компактного проживания с более или менее выраженной социальной стратификацией. Важно также то, что ни Чатал-Хююк, ни Иерихон, ни Троя-I в период возникновения не имели никакой фортификации. По мнению самого же Карнейро, именно наличие укреплений говорит о начавшихся в регионе захватнических войнах (которые и породили урбанизацию в модели Карнейро).

То есть, по крайней мере, некоторые города появились раньше силовых захватов земли и складывания вождеств. Это говорит о пропущенном шаге в последовательности Карнейро: упущен альтернативный механизм производства **прибавочного продукта** и **господствующего класса** – аграрное ростовщичество, ставшее следствием демографического «сжатия». Кстати, первые явные образцы письменности – это либо священные тексты для магических процедур вроде гадания (конец 5-го тыс. до н. э.), либо хозяйственные записи, сертификаты права собственности, долговые расписки (середина 4-го тыс. до н. э.), но отнюдь не кодексы, указы, распоряжения – то есть вовсе не то, что могло бы указывать на развитые политические отношения, характерные для политики уровня вождества

и сложнее. А письменность, которая считается одним из ярких атрибутов древнего государства, рождалась в городах Междуречья...

Итак, три маркера – прибавочный продукт, выраженная стратификация и урбанизация – не могут быть однозначно признаны маркерами перехода по линии «вождество – государство».

2. Гидротехническая мелиорация и два вида войны

Хотя широкомасштабные ирригационные работы в Месопотамии, Египте и Мексике, по утверждению Карнейро, стали проводиться позднее возникновения государств, возникает вопрос – что именно считать моментом начала государства? Потерю независимости номов от фараона (в Египте)? Но там войны номов (с появлением фортификации) и последующая централизация фиксируются в 3-м тыс. до н. э., а появление ирригации в Египте относится к концу 4-го тыс. до н. э. В Междуречье войны городов-государств и первые попытки политической централизации происходили в середине 3-го тыс. до н. э. (артефакты: «Стела коршунов» – XXVI в. до н. э., «Штандарт из Ура» – XXV в. до н. э.), а начало там мелиоративных работ (в виде не оросительных, а наоборот – осушающих сооружений) относится к началу 4-го тыс. до н. э. [Адрианов 1978: 93]. К тому же к самому 4-му тыс. до н. э. относятся первые в истории зафиксированные свидетельства ведения террасированного земледелия, которое позволило вовлекать в аграрное производство территории гор: специалисты прежде всего называют майкопскую культуру Северного Кавказа, не знающую никакой фортификации. То есть если не брать в расчет особо масштабные мелиоративные системы, то сама гидротехническая мелиорация как технология (оросительные или осушающие каналы, а также террасирование) явно хронологически опережает выраженные признаки политогенеза. Однако «после» совсем не обязательно означает «вследствие». Пока получается, что гидротехническая мелиорация – это просто признак наступившего состояния ресурсной «стесненности»⁴ – в таком виде он и присутствует у Карнейро. Но следует ли рассматривать этот признак как один из *факторов* политогенеза?

⁴ Какие-то из общин оказываются вытесненными на неудобья и начинают их осваивать.

С переходом от вожества к состоянию государства войны отнюдь не прекращаются, но точно меняют свой характер. Сходят на нет геноцидные войны-сгоны, а вместо этого практикуются войны за приведение в подданство. Именно такие конфликты должны указывать на то, что вожество победило в регионе в качестве политической стратегии. Эти два типа войн у Р. Карнейро недостаточно четко артикулированы. Он пишет о переходе от грабежа/вендетты к войне за землю (под которой имеется в виду сгон с земли и/или геноцид), причем в самых общих чертах. А затем про переход от попыток побежденных к бегству – к уплате дани (причем переход мыслится как автоматический). Вот в Амазонии есть куда уйти, и там политогенез не состоялся, а в Перу уйти некуда – и вот вам сразу даннические отношения, и вот уже налицо государство. Кстати, можно сказать, что у Карнейро ресурсная «стесненность» сразу же означает войну за землю. Все примеры того, что группа не могла уйти на новое место, сопровождаются указаниями на то, что уходить надо было не от голода, а уже от военного вытеснения со стороны соседей.

Такие геноцидные войны-сгоны известны в древней истории. Классический пример: кочевники-иври в XIII в. до н. э. вторглись в долину Иордана, после чего произошли геноцид и полное замещение ранее жившего там населения [Нефедов 1996: 119]. То есть случаи чистого замещения вполне представимы и реально имели место в истории, если атакующие были еще весьма примитивны в политическом отношении. То есть если врагу некуда уходить, его уничтожают, а не пытаются навязать ему подданничество, саму практику которого *еще надо придумать!* Отношения подданничества не наступают автоматически, здесь требуется некий переключатель. И вполне вероятно, что таким переключателем и было наличие на тот момент в регионе деятельности по гидротехнической мелиорации.

Множество случаев вторжения более примитивных групп в уже развитые государства (гутии, амореи, касситы, арамеи – в Месопотамии; гиксосы, ливийцы – в Древнем Египте) демонстрируют одно и то же последствие: упадок местных систем мелиорации земли и последующее «сжатие» экологической ниши (вплоть до запусты-

нивания). Вторгнувшиеся племена, как правило, не могут просто заместить местное население по типу «иври в долине Иордана», поскольку не обладают должными компетенциями по поддержанию мелиоративных систем в работоспособном состоянии. А без них местная территория почти непригодна для заселения и сразу теряет ценность в глазах завоевателей. Всякий раз в разоренных регионах жизнь возобновлялась только после того, как завоеватели перенимали местные политические практики и переходили к упорядоченной и специализированной *войне за приведение в подданство*.

Таким образом, мелиоративная деятельность конкретного района выступает возможным переключателем между двумя типами войны, очередным простым сгоном чужаков и рождением вождества и государства. Хронологически появление мелиорации, вероятно, соответствует началу демографического «сжатия» и возникновению ресурсной стесненности, а также, вероятно, распространению военного сгона чужаков как практики компенсации «стесненности».

Кстати, неслучайно появление мелиорации по времени (4-е тыс. до н. э.) совпадает с распространением специфического оружия – пращи. Последняя отличается низкой точностью выстрела и низкой эффективностью при охоте. Плюсы пращи проявляются именно при столкновении больших человеческих групп, когда масса пращников имеет дело с площадной мишенью и на первый план выходит скорострельность, а не точность или скрытность применения оружия. Появление мелиорации и пращи в «Плодородном полумесяце» указывают: изобилие неолитической революции закончилось и геноцидные войны-сгоны начались.

А в 3-м тыс. до н. э. происходят уже регулярные войны номов в Египте, войны городов в Междуречье.

Регулярные ритуальные войны городов Древнего Шумера (типологически сходные с «цветочными войнами» городов-государств Мезоамерики, которые были также религиозно-магически обставлены) представляют собой гораздо более позднее явление: столкновение этих городов не носит характера сгона/геноцида, скорее,

это ритуализованное «приведение в подданство», выраженное через уплату «храмовой жертвы» (как это было в XXV в. до н. э., когда город Лагаш захватил почти все города Шумера).

В 3-м тыс. в Междуречье даннические отношения уже были «изобретены», и в ходе военного столкновения решался вопрос о переходе в подданство. Агрессия теперь была направлена не на все местное население в целом, а только на вооруженное войско противника. Войска сходятся на отведенном поле в оговоренное время года. На знаменитой «Стеле коршунов» (XXV в. до н. э.) изображено новое специализированное оружие полевого боя – тяжелый щит, который точно не имеет смысла на охоте, то есть однозначно указывает на наличие войны как регулярной практики⁵. Фортификацию городов также, видимо, можно считать своего рода архитектурной проекцией полевого сражения, вокруг которого сложился особый комплекс ритуалов: правильная война предполагала, что городские укрепления нужно штурмовать. «Ритуальный» характер городских стен неизменно проявлялся в том, что они никогда не спасали от «неправильной войны»: и пастухи Киша, и кочевники-амореи, и кочевники-гутии просто разоряли окрестности города и брали шумерские цитадели измором.

Между явными признаками распространения войны-сгона и ритуальной «войны за приведение в подданство» на территории «Плодородного полумесяца» пролегает дистанция примерно в тысячу лет. Помимо уже сказанного, трудно привести еще какие-либо аргументы в пользу гипотезы о том, что мелиорация – это не просто признак нарастающей «стесненности» Карнейро, а еще и переключатель между двумя видами войны.

Были ли другие стратегии противодействия войне-сгону как негативному последствию стесненности и борьбы за землю? В качестве примера можно назвать развитие фортификации. Данное новшество не привело к становлению режима «война как приведение к подданству», как в случае разрушения и уничтожения Трои,

⁵ Воины города Лагаша за 2 тыс. лет до македонян применили тяжелый щит и фалангу. Это новшество, как водится, вызвало «волну завоеваний»: Лагаш овладел почти всей территорией Шумера.

где происходило, по-видимому, неоднократное замещение местного населения и правящих групп⁶. То есть фортификация быстро распространялась, но она не стала переключателем, как хозяйственная компетенция местных жителей, умеющих вести мелиоративные работы. Такая версия фактически объединяет теорию «стесненности» Карнейро и не менее знаменитую «гидравлическую» теорию К. Виттфогеля, но на базе вновь выявленной причинной зависимости.

3. Храмы и практики подданничества

Дань, получаемая завоевателями, могла выплачиваться в натуральных продуктах и натуральной отработке. Очевидно, здесь недостаточно соображения, что местных не нужно прогонять, ибо сама по себе земля на этих территориях без их умения бросовая. В качестве институции-аналога могла выступить уже существовавшая практика аграрного ростовщичества. Однако как обеспечить долговременный характер выплаты, независимый от конкретных людей и ситуаций, сложившихся на момент завоевания? Это должна быть практика, облегчающая добровольное отчуждение труда и его продуктов на почве уже существующей лояльности и общей солидарности. Такая институция-аналог – это древний институт «сакральной жертвы».

На такое предположение наталкивает конкретное сообщение «Стелы коршунов» из Древнего Шумера. Фундаментальное военное открытие (щит) в XXV в. до н. э. вызвало волну завоеваний: город Лагаш захватил почти весь Шумер (кроме Ниппура и Урука). «Захват» состоял в том, что покоренные города должны были отныне платить дань, примерно 300 тысяч литров ячменя в пользу храмов лагашских богов Нингирсу и Нанше. То есть институция «храмовой жертвы» выступала уже известной институцией – посредником к формированию практики государственной дани. Это значит, что в общей модели политогенеза должен присутствовать

⁶ Имеется в виду и воспетая Гомером легендарная Троя, и реально уничтоженная в XXIII в. до н. э. Троя-II, которой отнюдь не помогла первоклассная на тот момент фортификация.

фактор «храм». На момент политогенеза храм – это уже очень древний институт, наличие которого фиксируется раньше начала мелиоративных работ (то есть еще до начала «сжатия» у земледельцев).

Древнейший из известных сейчас храмов – Гёбекли-Тепе (11-е – начало 8-го тыс. до н. э.), первый мегалитический храмовый комплекс-обсерватория охотников мезолита. Гёбекли-Тепе – это вообще по современным представлениям ключевой объект человеческой истории [Scham 2008]. Он связан со взрывом тотемной религиозности и четким институтом «храм» с клиром и храмовым хозяйством. Этот клир мог организовать охотничьи поселения на долговременную согласованную деятельность. Комплекс в Гёбекли-Тепе также связан с экокатастрофой, вызвавшей похолодание позднего дриаса 11–10-го тыс. до н. э. (на пилонах комплекса есть рисунки, связанные с кометной катастрофой). Одомашненная пшеница родом из данного региона. Неолитическая революция, произошедшая здесь же (!), вызвала последующий конфликт с храмом охотников (храм был засыпан жителями соседнего позднее возникшего поселения огородников-скотоводов археологической культуры Чайоню).

В Гёбекли-Тепе видно следующее. Сооружение явно связано с астрономическими наблюдениями и одновременно с тотемными представлениями (годовое смещение созвездий, а также животные и птицы в центре внимания мегалитических художников) [Stephany 2019]. Что могло заставить племена охотников строить такие сооружения, напрямую с охотой не связанные? Что могло потребовать точной годовой регуляции их деятельности? Похоже, что это были миграционные процессы животного мира. В данном случае – миграция птиц (изображения водоплавающих и камышовых птиц преобладают). Для гораздо более позднего Стоунхенджа это, возможно, была сезонная миграция рыб и морских животных.

Но охотники не строят такое по собственному почину. Нужна развитая религиозно-мифологическая организация. Необходимы накопленные знания о знаках годовой миграции тех или иных видов животных.

Возникновение мегалитических обсерваторий совпадает с окончанием ледникового периода 26–14-го тыс. до н. э. (Аллередское потепление) и новым похолоданием (поздний дриас, 11–10-е тыс. до н. э.). С одной стороны, исчезает мегафауна и становится меньше крупных копытных (это минус), с другой – много заболоченных участков, где распространены амфибии и рептилии, и, соответственно, сезонная миграция птиц приводит к образованию центров «птичьего изобилия» (это плюс). Недаром главным оружием охоты в неолите становится лук (что видно по всем наскальным рисункам).

В тех обществах, где существовали предпосылки для строгой сезонной регуляции деятельности человеческих коллективов, возникла возможность избытка продукта, но только возможность. Кто-то должен заставлять получать этот избыток. Однако государства еще нет, дань налагать некому. Политическую дань – некому, в отличие от религиозной. Последняя – это жертва (обмен с божествами: еда в обмен на благоприятный ход событий).

Таким образом, технология постройки мегалитических обсерваторий функционально напоминает позднейшую технологию мелиорации почв для периода неолитической революции. Возможно, строителями Гёбекли-Тепе были сообщества охотников, оттесненные более многочисленными конкурентами от пастбищ копытных в бедные животными заболоченные районы. Но если научиться использовать миграционные потоки птиц и мангровых животных, это сразу же даст огромный прирост продукта.

Знание о миграционных потоках привело к монополизации культурно-символического «капитала»: возникло сообщество специалистов по воздействию на потусторонние силы («жречество»). Ведь нужно знать законы, управляющие поведением животных-кормильцев (тотемов).

Возможно, изначально астрономические инструменты для сезонных наблюдений за звездным небом были скромными сооружениями, но дальнейшая их сакрализация привела к попытке увековечить их в монументальных формах. Благо, жречество на тот момент уже обладало возможностью налагать религиозную дань – «жерт-

ву» и сакральную трудовую повинность – обустройство храмов (в обмен на покровительство не политических центров, а потусторонних сил). То есть, образно говоря, *«интеллектуалы появились раньше политиков»*.

Альтернативную версию появления мегалитических обсерваторий выдвинул Н. С. Розов при обсуждении темы на семинаре по макросоциологии⁷. Согласно этой версии, храмы-обсерватории были разновидностью карго-культа. В свое время появление самой наскальной живописи с бизонами, носорогами и тарпанами было связано как раз с резким уменьшением поголовья мегафауны в степях (40–35-е тыс. до н. э). Пещерные живописцы старались изобразительными средствами воссоздать ситуацию, когда «все было хорошо», то есть когда носороги с бизонами бегали по степям, радуя охотников палеолита. Точно так же и мегалитические обсерватории были более сложными устройствами, работающими на «карго-принципе»: в Гёбекли-Тепе определенное положение созвездий соотносено с определенными «нужными» видами млекопитающих, рептилий и птиц – именно в ситуации их фактического исчезновения. В таком случае мегалитические храмы следует рассматривать не как воплощение неких хозяйственных технологий или, скорее, технологий социогуманитарных. Свойство воздействовать на массовое сознание сделало объекты Гёбекли-Тепе центром паломничества уже переходных сообществ⁸, с пирами и прочими реципрокными событиями, выполняющими функции прежде всего сложной социальной регуляции.

Однако какова бы ни была природа данного образца технологии, все равно мы имеем дело с технологией (то есть умением), которая предоставляет дополнительные возможности тем, кто «умеет». Ниже приведена факторная модель возникновения храмового комплекса. В зависимости от того, какую версию мы выберем (экономическую или социокультурную), конфигурация факторов будет складываться либо так, либо несколько иначе. Но смысловое «яд-

⁷ Семинар на базе ИФПр СО РАН (19.04.2021).

⁸ Наподобие сообществ злаковых собирателей натуфийской археологической культуры.

ро» здесь состоит в том, что появляется некая технология, которая создает возможность прибавочного продукта и/или его отчуждения.

Рис. 2. Модель возникновения храмового хозяйства (на базе теории стесненности)

Затем храмовое хозяйство, становясь институтом и центром паломничества, обретает собственную логику. Возможно, само скотоводство возникло из необходимости жертвы к определенной сакральной, астрономически определенной дате: необязательно, что на охоте в этот день кому-то повезет, поэтому надо поймать животное и не убивать до момента «Х». То есть не жертва приурочена к удаче на охоте, а, наоборот, ритуальная «охота» должна была быть приурочена к четкой астрономической дате. Между прочим, все одомашненные коровы, как показывают генетические исследова-

ния, происходят от 80 особей, связываемых с поселением Чайоню (8-е тыс. до н. э.).

Заканчивали строительство Гёбекли-Тепе уже скотоводы-огородники в 8-м тыс. до н. э. Комплекс был засыпан землей, и это свидетельствует о том, что его рассматривали как силу (не разрушили), но при этом как злую силу (надо скрыть от мира). То есть направленность культа Гёбекли-Тепе к тому времени была чужда местному населению и не разделялась им. Быть может, центр привлекал окрестных охотников, которые рассматривались как нежелательные соседи для «неолитических революционеров».

4. Итоговая модель

При учете дополнений про урбанизацию, а также роли фактора мелиорации и наличия института храма итоговая модель политогенеза Р. Карнейро на базе теории ресурсной стесненности будет выглядеть совсем иначе, чем в нашей первоначальной реконструкции:

Рис. 3. Уточненная модель возникновения государства («теория стесненности»)

Методологической предпосылкой для выдвижения приведенной модели является положение об обязательности наличия поддержки-

вающих институций, которые формируют (и ограничивают) пространство для появления любых новых практик.

Чтобы не усложнять модель сверх меры, фактор «вождество» включен в фактор «государство». Сам Карнейро не заостряет внимание на качественной разнице между вождеством (простым или компаундным) и государством. Быть может, отличием является возникновение так называемой «публичной власти». Однако рассуждения в этом направлении являются отдельной обширной темой, которая здесь не затрагивается.

Кроме этого, есть и другие отличия от первоначальной модели, важные для обсуждаемого вопроса.

Во-первых, урбанизация здесь – не производное от «приведения в подданство» как нового вида войны, а процесс, начавшийся задолго до выраженной военной опасности. Если брать в пример древнейшие компактные и плотно заселенные поселения на территории Леванта, Месопотамии и Анатолии, то все они возникли в «домилитаристскую эпоху» и не имели фортификационных сооружений.

Во-вторых, мелиорация как технология выступает не просто в качестве побочной практики адаптации к войнам-сгонам (наряду с переходом в подданство к завоевателю, как у Карнейро). И не только возможным условием появления прибавочного продукта (что понятно), но также и условием, которое делает бессмысленной геноцидную войну (фактор «дефицита компетенции» у завоевателей) и вынуждает теперь уже завоевателей переходить к войнам как к приведению в подданство.

В-третьих, еще одним условием, которое придало войнам регулярный и ритуальный характер, в данной модели выступает наличие городов, которые сами явились вовсе не результатом завоевательных действий (как у Карнейро), а, скорее, продуктом более ранних невоенных процессов аграрного ростовщичества. Именно в последнем случае городское пространство представляет собой не атомизированную среду согнанных с земли общинников, а сплоченное соображениями родовой лояльности / родового престижа «патрон-клиентское» единство бигменов и их «клиентелы». Такое единство создает возможность и мотив опасно вооружать и выводить в поле всю эту массу людей. Опять же, именно такой вариант урбанизации

сохраняет отсылки к ритуальным празднествам и состязаниям, известным в рамках «моральной экономики» родового общества. Подобная уже существующая институция также могла подкреплять переход войны к ритуально обставленной согласованной процедуре.

В-четвертых, храмовый комплекс и практика жертвоприношения (причем в плане как конкретного продукта, так и трудовых усилий) здесь рассматриваются как еще одна значимая институциональная «подпорка», создающая возможность для появления и/или отчуждения прибавочного продукта – наряду с самим «приведением в подданство».

Предложенная факторная модель не отрицает две старые версии политогенеза («автоматическую» – через социальное расслоение и «инженерную» – через необходимость мелиоративных работ), а включает их в себя как необходимые компоненты. Кроме того, в данной модели необходимый компонент – храмовое хозяйство, характерное для социокультурных, а не «милитаристских» версий политогенеза.

Литература

Анрианов Б. В. Земледелие наших предков. М. : Наука, 1978.

Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Альтернативы социальной эволюции // Раннее государство, его альтернативы и аналоги : сб. ст. / под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. Волгоград : Учитель, 2006. С. 15–36.

Буханцов В. В., Комарова М. В., Чебунин В. П. Теория происхождения государства Л. Р. Карнейро в контексте понимания и преподавания государствоведческих проблем в высшей школе // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 4. С. 722–727.

Карнейро Р. Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги : сб. ст. / под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. Волгоград : Учитель, 2006.

Коротаев А. В. Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития / под ред. А. В. Коротаева, В. В. Чубарова. М., 1991. С. 136–191.

Нефедов С. А. История древнего мира. М. : Владос, 1996.

Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М. : Логос, 2002.

Салинз М. Экономика каменного века. М. : ОГИ, 1999.

Balter M. The First Cities: Why Settle Down? The Mystery of Communities // Science. 1998. November 20. Vol. 282. No. 5393. P. 1442.

Scham S. The World's First Temple [Электронный ресурс] : Archaeology. 2008. Vol. 61. No. 6. URL: <https://archive.archaeology.org/0811/abstracts/turkey.html> (дата обращения: 03.01.2012).

Stephany T. J. Gobekli Tepe Constellations. 2019 [Электронный ресурс] : Myths, Mysteries & Wonders. URL: <https://mythsmysterieswonders.site/index.php/gobekli-tepe/> (дата обращения: 01.07.2021).